

**Политика отказа от конфронтации как путь создания прочной системы безопасности в Северо-Восточной Азии
(В контексте вопроса исторической памяти в Республике Корея и КНДР)**

Введение

Время с начала XX столетия, а в особенности после Первой мировой войны (1914 – 1918) и русской Октябрьской революции 1917 г. характеризуется перманентной конфронтацией между различными государствами и военно-политическими блоками.

В начале XXI века подобную продолжающуюся нестабильность в регионе Азии и Африки соотносят с так называемой «дугой нестабильности»¹.

Однако является ли подобная конфронтация неизбежной, в особенности в эпоху развития компьютерных коммуникаций, позволяющих создать *«мобильный стол переговоров»* практически в любое время и в любом месте?

Возможно ли отказаться от политики конфронтации, основанной на представлениях о «внешних угрозах»? Действительно ли подобные угрозы существуют или «ощущение угрозы» является последствием не совсем корректных представлений о других государствах и культурах, основанных на исторической памяти, а иногда просто недостаточном наборе информации?

Для региона Северо-Восточной Азии, в котором расположены государства, представляющие древнейшие мировые культуры – такие как КНР, КНДР и Япония – вопрос исторической памяти является крайне актуальным. В этих странах историческая память воздействует на процесс принятия политических решений

*Историческая память в регионе СВА
и политика отказа от конфронтации*

1. Республика Корея.

1.1. Республика Корея и КНДР. Несмотря на политические сдвиги и возобновление межкорейского диалога, которое наблюдается с начала 2018 г., можно говорить о долгой истории негативного отношения Южной Кореи к КНДР и восприятию Северной Кореи

¹ Подробнее, например, см.: Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. СПб., 2017.

как врага. У подобного отношения две основных причины.

Во-первых, это Корейская война 1950 – 1953 гг., которую, согласно южнокорейской историографии, начала Северная Корея. Таким образом, в Южной Корее образ КНДР – это, прежде всего, образ врага, «потенциального агрессора», от которого можно ожидать «провокаций» вплоть до начала новой войны на Корейском полуострове.

Например, после завершения «политики солнечного тепла» президента Ким Дчжуна (1998 – 2003) и «политики мира и процветания» президента Но Мухёна (2003 – 2008) последующая администрация президента Ли Мёнбака (2008 – 2013) отказалась от проведения мягкой политики в отношении КНДР. Обосновывая это, экс-министр объединения Республики Корея Ли Сеги говорил о «болезненном опыте Корейской войны и суровой действительности военного противостояния»².

Второй причиной негативного восприятия КНДР в Южной Корее является мировое противостояние периода холодной войны, в котором Северная Корея представляла «вражеский» для Юга лагерь «коммунизма», против которого боролись власти и народ Южной Кореи. Например, в 1960 – 1970-е гг. в южнокорейских школах обязательной была такая дисциплина как «антикоммунизм», в рамках изучения которой школьники знакомились с критической оценкой социалистической системы, и, прежде всего – северокорейской.

Мнение наблюдателя из России. Историю забывать нельзя. Но и *искусственная актуализация* событий прошлого, в особенности тогда, когда большинство их участников уже ушли из жизни, вряд ли может оказать помощь в решении насущных проблем сегодняшнего дня.

И для рядовых граждан Республики Корея, и для россиян – народ Северной Кореи, пусть и несколько отличный от населения Юга, – это тот же корейский народ. Трудно предположить, что власти КНДР в новых глобальных и региональных условиях второго десятилетия XXI века «планируют» и имеют возможности «напасть» на Южную Корею. К тому же отсутствие подобных намерений неоднократно упоминалось в многочисленных декларациях Юга и Севера, которые постоянно принимались двумя сторонами, начиная с 1972 года.

Наверное, было бы более продуктивным не ожидать «провокаций» от КНДР и не проводить враждебную информационную и др. политику. Вся мировая общественность надеется на то, что договоренности Юга и Севера от 27 апреля 2018 г. все же будут реализованы: окончательно и бесповоротно.

1.2. Республика Корея и Япония. В Южной Корее наблюдается устойчивое *негативное отношение к Японии*, как властей, так и рядового населения. Можно

² Ли Се Ги. Политическая обстановка на Корейском Полуострове и корейско-российские отношения. В разрезе северокорейской политики администрации президента Ли Мён Бака. Санкт-Петербург, 22 апреля 2009 г. [Текст тематической лекции].

предположить, что, прежде всего, это происходит по причине исторической памяти о японской колонизации Кореи 1910 – 1945 годов. Негативный образ Японии в сознании граждан Южной Кореи достаточно устойчив. Южные (да и северные) корейцы до сих пор обвиняют Японию в том, что в годы Второй мировой войны в японскую армию насильно привлекались корейские женщины для так называемого «успокоения» японских военнослужащих, то есть *вианбу* или «женщины для комфорта».

Споры между властями Южной Кореи и Японии по вопросу изложения истории в учебниках для средних школ, или вопрос названия моря, что расположено к востоку от Корейского полуострова: «Восточное» или «Японское» также способствуют укреплению негативного имиджа Японии.

Конечно же, указанные выше споры и разногласия не могут привести к вооруженному столкновению между двумя странами, за исключением вопроса о территориальной принадлежности островов Токто, однако они явно не вносят вклад в укрепление мира и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии.

Мнение наблюдателя из России. В указанном случае, наверное, стоит, что называется, «оставить прошлое истории» и перестать требовать ответа *от нынешнего поколения* японских политиков, предпринимателей или ученых за то, что они не совершали, ответа за деяния их дедов и прадедов. Нужно научиться по-иному относиться к Японии и ее населению. И только тогда в регион СВА станет более мирным и стабильным.

1.3. Республика Корея и Россия. Россия также не оказалась в стороне от тех стран и регионов, которые испытывают на себе некоторую «историческую неприязнь» со стороны Республики Корея. Так, в южнокорейских школьных учебниках по истории говорится о том, что именно Россия (СССР) является одной из «виновниц» разделения Кореи, хотя на самом деле все было гораздо сложнее³.

Также южнокорейская общественность приписывает России (СССР) и ответственность за начало Корейской войны (1950 – 1953). Например, в Музее корейских войн (한국전쟁기념관), который расположен в Сеуле в районе Ёнсан, в одном из залов, представляющих экспозицию о начале Корейской войны, «инициаторами» ее называются Ким Ир-сен, Мао Цзэдун и И.В. Сталин. И все это, так или иначе, связывается с современной Россией.

Кроме того, в сознании южнокорейской общественности укрепилось представление о том, что Российская Федерация до сих пор имеет активные связи с КНДР, что иногда приводит к попытке переложить часть ответственности за «неадекватное поведение» КНДР на Россию.

Мнение наблюдателя из России. Отношения между Республикой Корея и

³ 고증학교 국사. 서울, 교학사, 2007. 123 쪽. (Родная история для старшей средней школы. Сеул, Изд-во Кёхакса, 2007. С. 123).

Российской Федерацией – это отношения тесного сотрудничества и стратегического партнерства с заметной положительной динамикой развития. Свидетельством этому, в частности, является проведение в Москве нынешнего 4-го Форума «Диалог Россия – Республика Корея». Тем не менее, для дальнейшего улучшения, как двухсторонних отношений, так и укрепления системы мира и стабильности в СВА было бы полезным отказаться от негативных подходов (часто необоснованных) в оценке тех событий прошлого, которые связаны с Россией.

2. КНДР.

2.1. КНДР и США. В современной Северной Корее вопрос исторической памяти также оказывает отрицательное воздействие на выстраивание внешнеполитической стратегии. В частности, это – крайне негативное отношение к США. Для Северной Кореи на протяжении последних 70 лет США были главным врагом, который посягал на независимость страны и угрожал «агрессией». С точки зрения официальной северокорейской историографии именно США явились инициатором Корейской войны 1950 – 1953 годов.

С середины XX столетия и вплоть до начала 2018 г. все северокорейские СМИ, художественная литература, кинематограф и т.п. создавали для населения КНДР образ «страшного американского врага». Ядерная программа КНДР, как известно, направлена, согласно заявлениям властей этого государства, именно для защиты от «потенциальной агрессии США»⁴.

Не лучше у КНДР и отношение к североамериканским лидерам. Еще не так давно, в личном заявлении Председателя Государственного Совета КНДР Ким Чен-ына от 21 сентября 2017 г. президент США был назван не столь лестными словами⁵. К весне 2018 г. негативная риторика КНДР в отношении США была временно приостановлена в преддверии Сингапурского саммита 12 июня 2018 г.

Однако трудно предположить, что за считанные месяцы население КНДР сможет отказаться от образа США как самого главного врага северокорейского государства.

Мнение наблюдателя из России. В случае отказа США от угрожающей политики в отношении КНДР, властям этой страны предстоит огромная работа по перестройке

⁴ 조선민주주의인민공화국의 핵무기전파방지조약에서의 탈퇴는 정정당당한 자위적 조치 (Выход Корейской Народно-Демократической Республики из Договора о нераспространении ядерного оружия – справедливые меры для самообороны). Заявление ЦТАК от 21 января 2003 года.

⁵ 조선민주주의인민공화국 국무위원회 위원장 성명 (Заявление Председателя Государственного Совета КНДР). Сообщение ЦТАК от 22 сентября 2017 г. Доступно по адресу:

<http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf.jsessionid=01DBBD3645DBC0D4D4C5EAB7234BAA1> (2017.09.22).

имиджа североамериканского государства, что крайне необходимо для изменения всей внешней политики Северной Кореи на более мирный лад.

2.2. КНДР и Республика Корея. Несмотря на появляющуюся в северокорейских СМИ критику «южнокорейского капитализма» или «консервативных сил», в целом в Северной Корее нет негативного восприятия Южной Кореи. Интересно отметить, что при описании событий Корейской войны 1950 – 1953 гг. северокорейские авторы никогда не будут говорить о том, что КНДР воевала с Южной Кореей. Единственным «официальным врагом» КНДР объявляются исключительно США.

2.2. КНДР и Япония. Негативное отношение КНДР к Японии, по причине, прежде всего, памяти о колониальном прошлом, является еще одной проблемой, препятствующей проведению более мирной политики Северной Кореи в регионе СВА. В северокорейской пропаганде, в северокорейских СМИ немалая доля информационного пространства уделяется критике японского колониального прошлого. «Современные достижения» КНДР могут сравниваться с тяжелым временем японского господства. Причины этого понятны. Но, как следствие, в сознании граждан КНДР создается крайне негативный образ Японии.

Трудно предположить, что современная Япония может представлять военную опасность для КНДР. Другое дело, что подобно США, Япония до сих пор не признала КНДР дипломатически, а это то, что дестабилизирует ситуацию в регионе СВА.

Мнение наблюдателя из России. Как и в случае с Республикой Корея, для оздоровления ситуации в регионе в целом и для отказа от политики конфронтации для властей Северной Кореи было бы полезным перестать поддерживать в сознании своих граждан отрицательный имидж Японии

3. США.

Соединенные Штаты Америки (американистика) не является предметом профессионального изучения автора настоящего доклада. Однако авторский опыт тесного знакомства с североамериканским экспертным сообществом⁶ позволяет сделать ряд замечаний, уместных в данном докладе.

3.1. Негативное отношение и США к КНДР и непонимание КНДР.

Пожалуй, наиболее дестабилизирующей регион державой являются США. На наш субъективный взгляд, важнейшей причиной этого является недостаточное понимание как КНДР, так и региона в целом в том эшелоне власти, который принимает политические решения.

Для многих экспертов и политиков США Северная Корея до сих пор представляется «коммунистическим государством», «угрожающим» миру и безопасности в регионе. В

⁶ Институт Хадсона (Hudson Institute), Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic & International Studies), Институт Брукингса (Brookings Institute) и ряд других.

США ряд экспертов не замечают того, что и государство, и его лидеры и народ являются, прежде всего, представителями *восточного* государства с одной из древнейших мировых культур и сложной историей, на протяжении которой Корея неоднократно подвергалась внешней агрессии.

Мнение наблюдателя из России. Непростая ситуация в регионе СВА конца 1940-х гг., приведшая к началу Корейской войны, не может быть воспроизведена или повторена в 2018 году. Соответственно, КНДР не может представлять какой-либо угрозы как региону в целом, так и США.

Если США – их руководители, народ – искренне считают необходимым построение прочной системы мира в СВА, им предстоит большая работа по переосмыслению характера северокорейского государства и его политики.

Только в этом случае возможен отказ от политики конфронтации в Северо-Восточной Азии..

3.2. Негативное отношение к России и Китаю.

Негативное отношение представителей властных кругов США к Российской Федерации и Китаю, восприятие этих держав не как дружеских и партнерских, также приводит к невозможности отказа от политики конфронтации.

4. Российская Федерация, Китай, Япония.

В нашем сообщении мы не можем брать на себя ответственность за оценку ситуации в сфере создания облика, а также отношения указанных трех держав друг к другу, к США, к Южной или Северной Корее, поскольку автор сообщения не является специалистом в русистике, китаеведении или японоведении. Кроме того, этот вопрос является слишком сложным и объемным, так что не представляется возможным обсудить его в рамках короткого сообщения на 4-м Форуме «Диалог Россия – Республика Корея».

Однако можно сделать предположение о том, что историческая память в указанных государствах тоже оказывает негативное влияние, как на «взаимный имидж», так и на процесс принятия политических решений, связанных с вопросом безопасности в регионе СВА.

Заключение

Вопрос принятия политических решений в странах Северо-Восточной Азии крайне непрост и определяется целым комплексом причин как объективного, так и субъективного характера.

Одной из предпосылок в определении политики и принятии решений, несомненно, является историческая память, а точнее – ее негативные моменты, связанные с созданием отрицательного, «угрожающего» имиджа какой-либо из держав региона. И если объективные условия в регионе СВА – это то, что трудно изменить, то «взаимный

имидж» - это то, что под силу решить государству, его гуманитарному сообществу.

Улучшение «взаимного имиджа», отказ от наследия «негативной исторической памяти» - это то, что может оказать помощь и в отказе от политики конфронтации.

И, в завершении выступления, хотелось бы вспомнить о термине, который автор упомянул в начале своего сообщения. Это – *«мобильный стол переговоров»*. В наш век всеобщей компьютеризации и мобильности было бы полезным продумать и разработать универсальный механизм оперативного формирования мобильных средств межгосударственных переговоров, чтобы решать постоянно возникающие межгосударственные проблемы исключительно мирным путем, посредством диалога.